

Старушка грядки прибирает
И в церковь носит все грехи.
Как хорошо: она не знает
О том, что я пишу стихи.

Что страшно мне одной в квартире,
Что, света лунного боясь,
Порой не сплю и в этом мире
Не очень как-то прижилась.

Я для старушки лишь соседка,
Идет она, душой светла,
Бывало, скажет: «Тетка Светка,
Тебе гостинцев принесла».

Придет ко мне пустая редко,
То яблок даст, то огурцов.
Ее простое «тетка Светка»
Дороже мне моих стихов.

Ей не до злых, не до богатых,
Чего за них переживать?
Без этих пальцев узловатых
И строчки мне не написать.

Я повернулась на восход безродно,
 Мне показалось, что на полчаса,
 И вот уже кириллица не модна
 И с запада слышнее голоса.

Уже с востока тащат разносолы,
 Пестры наряды, в золоте персты —
 То новые татары и монголы
 Идут сюда, под древние кресты.

И спеть бы про туманы-растуманы,
 И вышить чарку, и тоску забыть —
 Везде базар, и лысые Иваны
 Торгуются, боясь продешевить.

Распутная, а может быть, святая,
 Какие силы есть в тебе, о Русь,
 Коль от тебя, ругаясь и рыдая,
 Сто раз уйду и столько же — вернусь!

ПОСЛЕДНИЙ ЖИТЕЛЬ

В деревне единственный житель,
 Ни шума, ни звона окрест,
 Отшельник, а может, смотритель
 Суровых запущенных мест.

Весной огородик вскопает,
 Не страшно средь леса вдовцу,
 И зайцы, и лисы, бывает,
 Без страха подходят к крыльцу.

Залает приبلудная шавка,
 Не сыщешь печальней земли —
 Не ходит сюда автолавка,
 Дороги травой заросли.

Холодные ветры все древней,
 На карте участок пустой,
 Как будто с ушедшей деревней
 Все меньше России самой.

А он как оставлен на страже,
 Сидит у могилы мертво
 И как-то не думает даже,
 А кто похоронит его?

Молчунья — чего ты такая,
 Порой говоришь ли о чем?
 Наверное, все понимая,
 Слова бережешь на потом.

Все то, что снаружи красиво,
 Развееется вновь на ветру.
 Как старица, ты прозорлива,
 Всего нахлебавшись в миру.

Открыта, незлобна нисколько.
 Чтоб светлыми чувствами жить,
 Их копишь и копишь, но только
 Не можешь никак накопить.

Земное порой проклинаешь
 И тянешься снова к перу,
 Как будто в себе изживаешь
 Всю эту тоску по добру.

* * *

Здесь дом не наш — он там, в краях далеких,
 Идем, бредем, ища родной порог.
 Уставших от дорог и одиноких,
 Нас пригласили в гости на чуток.

Скрипят полы под властными шагами,
 И как-то мы не так гостим с тобой,
 Цветы и росы трогаем руками,
 А нам бы прикоснуться к ним душой.

Мы заменили музыку словами,
 Не отыскать певуний и певцов,
 И чтобы врать, не мучаясь ночами,
 Мы столько напридумывали слов!

И в доме нам сегодня тесновато,
 Не топлено, не собрано на стол,
 Так много шума, что давно когда-то
 Не выдержал хозяин и ушел.

И вот одни мы, нет числа невзгодам,
 Нам почему-то тягостно одним,
 И что-то там смекнув перед уходом,
 Присядем на дорожку, помолчим.

Все то же: дождь неделю льет,
И где-то рай над головами,
Под золотыми куполами
Старуха милостыни ждет.

Все это боль, все это Русь
С ее печальями земными,
О ней пишу словами злыми,
А по ночам о ней молюсь.

Откуда в сердце эта злость,
Что в нем хорошего осталось?
Наверно, чтоб не трепыхалось,
Оно посажено на гвоздь.

Покоя так и не найдя,
Сбегу в глухую дереушку,
Зайду в забытую избушку —
И кровь пойдет из-под гвоздя.

ВДОВА

Письма, письма, горькие святыни!..
Потому и знала, что живой.
Треугольник, с веточкой полыни,
Намекнул о жизни полевой.

Спрашивал, как дом и коровенка,
Он писал про фронтовой концерт.
Не решалась долго почтальонка
Протянуть с печатями конверт.

Прижимала легкого мальчонку.
День да ночь, потухшая жила,
Ненавидя эту почтальонку,
Что в конверте горе принесла.

На буфет приладила иконку
И ушла тихонько на покой,
И, в столе оставив похоронку,
Поделилась памятью со мной.

Двери темные, стальные.
Постучать ли, позвонить?
Я живая, вы живые,
Так давайте говорить —

Все о том, о чем хотели
Говорить бы целый век,
Что вчера ветра шумели,
А сегодня падал снег.

Что отпелось, отгулялось,
Ни души на берегу,
Что от осени осталась
Россыпь яблок на снегу.

Что летят опилки к дому,
Что в стволах текут года.
Пилят, пилят по живому,
Расширяя города.

Вспоминать бы все, что мило,
Вспоминать под шум дождя,
Как растерянно кружила
Птица, ветки не найдя.

Может, вспомним, что живые,
С душ озябших смоем грим.
Все свои мы, все родные,
Но об этом промолчим.